

— Не перегибай палку, — сказал Цзян Дунгэ, подхватив только что положенный рюкзак и поднявшись с места. Подойдя к последнему столу у стены, где сидел одноклассник, он произнес:

— Дахэ, давай поменяемся местами.

— Хорошо, — ответил тот, не задавая лишних вопросов. Собрав свои книги и схватив рюкзак, он быстро перебрался на место Цзян Дунгэ, бросив льстивую улыбку Лю Вэнь.

Только что потерпев неудачу, Лю Вэнь не была в настроении отвечать на его улыбку. Она лишь презрительно скривилась и, скучая, открыла учебник.

Когда прозвенел звонок на урок, учитель объявил самостоятельную работу, назначив Цзян Дунгэ наблюдающим. Как только учитель вышел из класса, Лю Вэнь кашлянула и подняла руку:

— Староста, мне нужно в туалет.

Цзян Дунгэ поднял голову, но ничего не ответил.

Лю Вэнь сама встала и вышла из класса. После неё последовала её подруга, а затем медленно подняла руку Чэнь Сяоцань.

Когда все они вышли, в классе начались пересуды.

— Чэнь Сяоцань, наверное, издеваются одноклассницы?

— Не может быть. У неё такие хорошие оценки.

— Именно из-за её успехов её и изолируют, и унижают. Учителя постоянно её хвалят, кто такое выдержит?

— Ну, Цзян Дунгэ тоже часто хвалят.

— Цзян Дунгэ — это другое. Он парень, да ещё и староста. А Чэнь Сяоцань, кроме хороших оценок, ничего из себя не представляет.

— Верно. Она обычно даже не отвечает, когда просят о помощи. Такой человек сам напрашивается на издевательства.

Голоса становились всё громче. Цзян Дунгэ нахмурился и, закрыв ручку, постучал ею по столу:

— Тише.

Как староста, он обладал авторитетом, и класс замолчал. Однако, глядя на пустые места, Цзян Дунгэ чувствовал внутреннее беспокойство.

Откинувшись на спинку стула, он, в конце концов, бросил ручку и вышел из класса.

С того момента, как Цзян Дунгэ вышел из класса, фоновая музыка фильма сменилась на инструментальную композицию.

Это была последняя работа знаменитого композитора Джонатана, написанная перед его смертью: «Прекрасная жизнь».

Джонатан прожил всего 28 лет, но в истории музыки он признан мастером. Его жизнь была полна трудностей и легенд, большинство его работ отражали отчаяние, недовольство и борьбу людей на дне общества. Однако эта композиция стала исключением — единственная, от начала до конца наполненная оптимизмом и радостью. Благодаря своей жизнерадостной мелодии и высокой художественной ценности, она была включена в программу школьных уроков по изучению классической музыки. В фильме использовался фрагмент, известный как «Часть растерянности», который, хотя и знаком многим, здесь звучал вполне уместно. Он не только погружал зрителей в воспоминания о школьных годах, но и служил прекрасным вступлением к фильму.

После нескольких титров зрители следуют за главным героем, Цзян Дунгэ, к женскому туалету на этаже. Увидев тени нескольких девушек, нарочито снятые в преувеличенной манере, напоминающей демонов, большинству стало не по себе.

Волна обсуждений о жестоких случаях школьной травли в интернете ещё не утихла, и эмоционально восприимчивые зрители легко связали эту сцену с девушкой из того видео.

Однако, в отличие от той одинокой школьницы, Чэнь Сяоцань в фильме оказалась счастливее — Цзян Дунгэ, несмотря на внутреннюю борьбу, всё же решил вмешаться и постучал в дверь.

Из-за фоновой музыки его слова были заглушены, но зрители могли догадаться, что он сказал, по движению губ.

Цзян Дунгэ произнёс:

— Хватит.

Лю Вэнь и её подруги в панике выбежали из туалета. Возможно, чувствуя вину, они даже не взглянули на Цзян Дунгэ и быстро скрылись.

Затем камера на три секунды задержалась на дрожащей спине Чэнь Сяоцань.

Следующий кадр вызвал интерес у многих кинокритиков. Несомненно, Хун Пяо использовала этот приём очень умело, просто разделив героев дверью на два мира. Цзян Дунгэ стоял за дверью, освещённый тёплым солнечным светом, а Чэнь Сяоцань оставалась в темноте, на границе света и тени.

— Хун Пяо наконец-то нашла свой стиль?

— Возможно, ей кто-то подсказал.

— Разделение героев дверью... Мне это напомнило «Голубую ночь» Гуань Цзиньпэна.

— В «Голубой ночи» был похожий кадр, но техника всё же отличается.

Пока кинокритики тихо обсуждали, этот контраст продолжался в последующих сценах. На фоне нарастающей кульминации музыки камера начала следовать за двумя главными героями. Цзян Дунгэ и Чэнь Сяоцань представляли собой два противоположных полюса. Хотя оба были отличниками, отношение учителя к ним было разным. К первому она была доброжелательна, а ко второй — холодна. На переменах вокруг Цзян Дунгэ собиралась толпа одноклассников, а Чэнь Сяоцань сидела за партой в одиночестве, погружённая в учебники. Когда Цзян Дунгэ играл в баскетбол, вокруг площадки собирались болельщики, а после выступления Чэнь Сяоцань в школьном зале аплодировали лишь немногие.

Эти три контрастных кадра, хоть и длились всего около двадцати секунд, несли в себе огромный объём информации.

С этого момента характеры героев были чётко обозначены: Цзян Дунгэ — любимец учителей и одноклассников, а Чэнь Сяоцань — незаметная девочка, у которой есть только хорошие оценки.

Зрители с жизненным опытом уже начали задумываться о том, что именно хочет донести фильм.

Тем временем фоновая музыка, длившаяся более двух минут, постепенно утихла. Снова прозвенел звонок на конец занятий, и камера, следуя за Чэнь Сяоцань, которая шла домой одна, переключилась на Цзян Дунгэ, проезжавшего мимо на велосипеде.

Наблюдательные зрители заметили, что на стене, мимо которой он проезжал, было нарисовано красной краской:

«Бог справедлив ко всем».

Оставив этот пасхал в стороне, камера, следуя за Цзян Дунгэ на велосипеде, помимо пейзажей, также выделила музыкальный магазин. Кинокритики обратили на это внимание, а затем увидели, как Цзян Дунгэ въехал на велосипеде во двор старого жилого дома.

Семья уютилась в одной комнате, готовка и стирка происходили в коридоре — это было здание, которое редко встретишь в большом городе. Когда Цзян Дунгэ прошёл по такому коридору и вошёл в комнату, стены которой были обклеены старыми календарями, у многих зрителей возник вопрос: неужели у главного героя небогатая семья?

Положив рюкзак, Цзян Дунгэ осмотрелся и вышел из комнаты, чтобы налить воды в потемневший пластиковый стакан. Когда он уже собирался пить, сзади появилась пожилая женщина и ударила его:

— Сколько раз я говорила тебе не пить сырую воду!

Цзян Дунгэ улыбнулся и ласково назвал её:

— Бабушка.

Бабушка строго посмотрела на него и налила чашку горячей воды из старого чайника. Подождав, пока внук выпьет, она, словно между прочим, произнесла:

— Сегодня твой отец снова приходил. Он снова сказал то же самое.

Цзян Дунгэ вернулся в комнату, открыл рюкзак и начал готовиться к урокам, не проронив ни слова.

Бабушка вздохнула:

— Всё-таки он твой отец. Даже если женился на другой, это всё равно твой дом.

Эти слова сразу же дали зрителям понять, в какой среде жил Цзян Дунгэ.

Родители, возможно, развелись, и он временно жил с бабушкой — типичный ребёнок из неполной семьи.

Комната была тёмной, и когда камера показала профиль Цзян Дунгэ, многие вспомнили о Чэнь Сяоцань.

Однако Цзян Дунгэ и Чэнь Сяоцань были разными.

Следующая глава скоро появится.

Кстати, сегодня утром мы всей семьёй подхватили простуду. Соседка сказала, что сейчас многие болеют. Может, из-за резкого похолодания? Просто хочу напомнить, где бы вы ни были, берегите себя!

<http://bllate.org/book/16554/1510745>